

«ОДИН ПОЯС - ОДИН ПУТЬ» (ОБОР) И ПЕРСПЕКТИВЫ ЮЖНОГО ГАЗОВОГО КОРИДОРА ЕС ПОСЛЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ

Зураб Гараканидзе

Академический Доктор, Асс. профессор ГТУ

Ната Гараканидзе

Академический Доктор, преподаватель ГТУ

THE OBOR INITIATIVE AND THE PERSPECTIVES OF THE EU SOUTHERN GAS CORRIDOR AFTER THE GLOBAL PANDEMIC

Z. Garakanidze,

Ph.D (Economics) GTU;

N. Garakanidze,

Ph.D (International Relations), GTU

ABSTRACT

The gradual economic stabilization after the global pandemic, we can observe an increase in the volume of natural gas exports from the so-called *small post-Soviet states* (Plitological term). At the same time, the economic and political independence of these countries is increasing.

The purpose of this article is to study the interconnection between energy resources, gas in particular, and foreign policy of economies of the Caucasian and Central Asian states. It is suggested that gas as an internal economic factor has an impact on the foreign policy of some of the Caucasian and Central Asian states. The comparison of Caucasian and Central Asian countries leads to the conclusion that rich gas reserves together with respective export possibilities have enabled Georgia, as a main transit route, Azerbaijan, Turkmenistan and Uzbekistan to pursue flexible foreign policy, which means the possibility to stay away from Russian military alliances and economic/political international organizations created by Russia. In contrast to this, Armenia, Tajikistan and Kyrgyzstan who do not possess any gas, have directed their policies towards the integration into the regional/international organizations led by a Great Power - Russia. Kazakhstan represents an exception: on the one hand, the country sits atop the large reserves of gas but, on the other hand, it stays aligned with Russia. The article offers the following explanation for this exception: 1) Kazakhstan's gas sector is still immature, while the export is not as diversified as in other gas-rich states; 2) Kazakhstan shares the largest border with Russia hosting the majority of ethnic Russians, who could create potential threats to national security.

Keywords: Caucasus, Central Asia, Energy Resources, Gas, Foreign Policy.

* * * *

На фоне постепенной экономической стабилизации, после глобальной пандемии, наблюдается рост объемов экспорта природного газа из т.н. *маленьких постсоветских государств* (политологическая категория). Параллельно возрастает экономическая и политическая самостоятельность этих стран.

Энергетическое богатство малых экономик постсоветских государств Южного Кавказа и Центральной Азии в этом случае определяется запасами уникального ископаемого топлива в этих странах - запасами природного газа, которые полностью покрывают потребление и позволяют им экспортировать его за границу. В свою очередь, владение и продажа природного газа, является естественной монополией для любого государства и играет важную роль в международных отношениях.

Рыночная власть этих стран на региональных рынках приводит к т.н. ограничению доступа третьей стороны к трубопроводам, то есть на языке микроэкономической теории, является причиной «провала рынка» (или фиаско рынка) природного газа в данном регионе. В теме омич ледования мы обсудим причины, по которым «невидимая рука» на региональных газовых рынках не работает. Именно в этом случае экономисты используют термин «рыночная власть» для описания ситуации, когда рынок не может самостоятельно эффективно распределять ресурсы.

Другой возможной причиной сбоя рынка является наличие т.н. «внешних эффектов». Внешний эффект - это влияние действия одного производителя на благосостояние другого. Классическим примером этого является загрязнение окружающей среды.

Но газ экологически чистое топливо и внешнего эффекта он не вызывает. Примечательно, что природный газ является как сырьем, так и товаром народного потребления. Используя его, многие страны вырабатывают около четверти мирового электричества. Это универсальное, экологически чистое топливо. По сравнению с другими видами топлива, быстрое увеличение его добычи связано с экологическими преимуществами, особенно чистотой воздуха и сокращением выбросов парниковых газов, которые имеют первостепенное значение в

современной Европе [Market Report Series, 4].

Соответственно, провал рынка на региональном уровне рассматривается как рыночная власть - способность одного экономического агента (или небольшой группы агентов) влиять на рыночные цены. В результате возникают газовые монополии - рыночные государственные структуры.

Монополия является примером рыночной власти, способной повышать цены, чтобы не снижать объемы производства до нуля. Хорошо известно, что любой производитель с нисходящей кривой спроса имеет рыночную власть: цены растут, количество спроса уменьшается, но потребители, которые ценят продукцию этого производителя, остаются лояльными и покупают товары по повышенной цене. Совершенно конкурентоспособные производители с горизонтальной кривой не имеют рыночной власти; Даже если немного превысить рыночную цену, количество требуемой продукции будет сведено к нулю. Вот почему совершенно конкурентоспособные фирмы принимают цену. В отличие от таких фирм, госмонополии с рыночной властью занимающихся добычей и транзитом газа, диктуют цену рынку.

На сегодняшний день проблемы с контролем транзитных трубопроводов затрудняются использованием экологически чистого природного газа во всем мире. В бывшем Советском Союзе из-за необходимости транспортировки газа в европейской части из Сибири в 1960-х годах началось строительство мощных трубопроводов. В результате по уровню газификации населения СССР того времени превосходил даже некоторые балканские страны нынешнего ЕС... У бывшего СССР было 5 мощных газопроводов на европейском газовом рынке. Надо подчеркнуть, что не только добыча природного газа, но и его пространственная транспортировка по трубопроводам является очень прибыльным монопольным бизнесом.

В результате, треть европейского газового рынка занята Россией, причем многие страны полностью полагаются на российскую государственную монополию «Газпром» (см. Таблицу 1). Приведенная ниже таблица показывает, почему внешняя политика Турции и Германии в отношении России является такой либеральной. Дело в том, что Россия поставляет 61,9% немецкого импорта газа и 58,9% турецкого импорта этого топлива. Аналогичным образом, постсоветские малые государства представлены монопольной рыночной властью в своих регионах из-за своих богатых газовых ресурсов.

Следует отметить, что проблема доступа к энергетическим ресурсам не нова:

Дрова - первое историческое топливо, были почти везде. Так что проблема его транспортировки практически никогда не возникала. Следующий

энергетический ресурс - уголь, как правило, можно найти во многих странах Европы и Америки, и, следовательно, величина его пространственного перемещения является относительно скромной. Не все, но только несколько десятков стран мира имеют нефтяные месторождения, поэтому масштабы его пространственного перемещения различны, хотя и ограничены, и поэтому мировой рынок нефти является олигополистическим.

Согласно экономической теории монополизация происходит, когда отдельные лица или предприятия могут контролировать поставки определенных товаров или услуг. В связи с этим концентрация добычи и продажи нефти в руках около 20 государств, а также соглашение о ее ценах привели к формированию первоначальной монополии - нефтяного картеля ОПЕК [Garakanidze Z, Garakanidze N., 2013, p. 74-81].

Что касается природного газа, его поставки еще более ограничены - он добывается только в нескольких частях земли. Поэтому в случае газа уровень концентрации производства и специальной транспортной инфраструктуры - газопроводов, намного выше, чем нефти. Газопроводы находятся в руках лишь нескольких стран, что ведет к еще более высокому уровню монополизации. Это что-то вроде совершенно нового механизма глобального предложения и спроса на товар, поскольку природный газ только недавно стал одним из основных видов топлива - он широко используется в течение последних 30 лет. Согласно имеющимся данным, к концу прошлого столетия, на момент начала глобального производства сжиженного газа (СПГ), только 10-12% этого топлива было продано на т.н. SPOT-рынке по обычным ценам - по законам спроса и предложения. Приблизительно же 88-90% природного газа были переправлены газопроводами по долгосрочным контрактам и по договорным ценам установленным продавцом (монополистом) посредством прямых долгосрочных хозяйственных контрактов между поставщиком и потребителем. В этом случае на рынке газа не действует никакой конъюнктуры спроса и предложения - всё решается методами монопольного давления!

По современным данным, доля SPOT-рынка в последние годы увеличилась: уже лишь 67% в мировой торговле газом (704,1 млрд кубометров) поставляется газопроводами. Технологические и экономические особенности трубопроводов все еще препятствуют пересечению «региональных» газовых границ. В последние годы повсеместное строительство танкеров для сжиженного газа (СПГ) увеличила масштабы глобализации торговли газом и увеличила долю СПГ до 33% (338,3 млрд кубометров).

Однако, несмотря на развитие этой «тенденции

глобализации», добыча и транспортировка газа, обусловленные рядом экономических, геополитических и технологических факторов, остаются сегментированными. Исторически сложившееся разделение газодобывающих регионов привело к «многовекторности» на этапах развития мирового газового рынка.

Таким образом, единого подхода к формированию «справедливой» цены на газ не существует. Модели ценообразования на региональных рынках отличаются друг от друга рядом факторов, таких как степень либерализации, государственная политика и географические особенности.

Континентальные монопольные цены на нефть и нефтепродукты доминируют на рынках континентальной Европы и Азии, в то время как рыночный механизм традиционно широко распространен в Северной Америке и Великобритании, где цена на газ формируется конкурентным рыночным механизмом SPOT. В результате цены на газ на региональных рынках резко различаются, и нет единого «стандартного» показателя, который был бы общим для всех «игроков».

Таким образом, страны Южного Кавказа и Центральной Азии, богатые запасами газа, обладают монопольной рыночной властью. В контексте их внешней политики важна роль поставок природ-

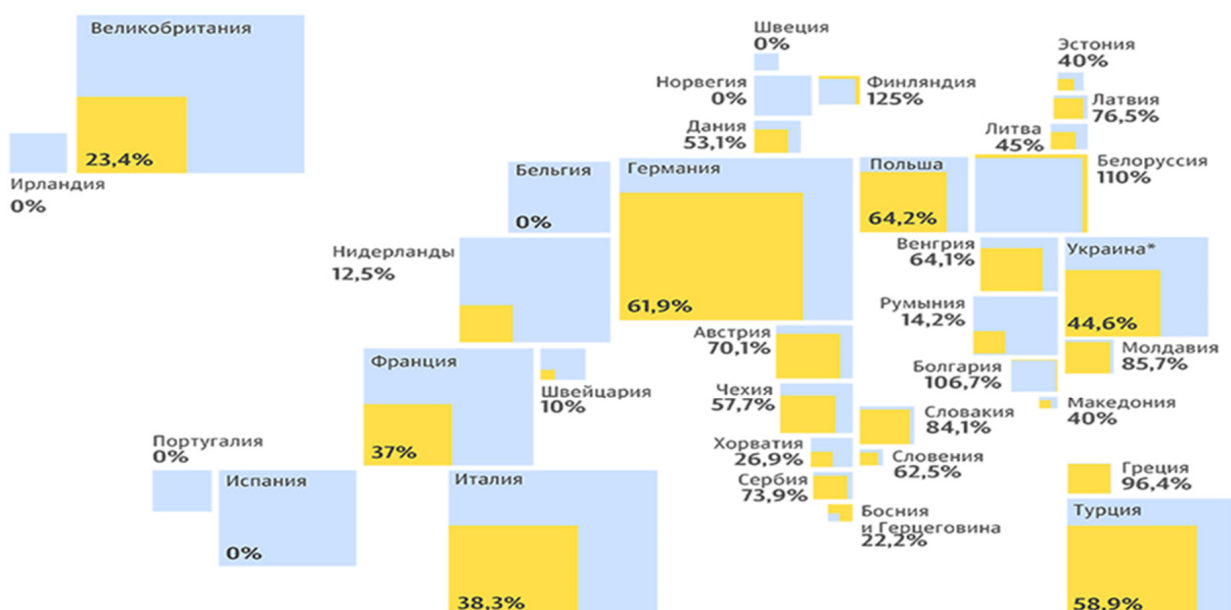
ного газа. То есть, независимо от размеров страны, наличие поставок газа диктует его независимую политику. Поэтому мы обсуждали газ и не рассматривали другие углеводороды ...

Напряженность между Евросоюзом и Россией из-за событий в Украине с начала 2014 года обязательно отразится на их сотрудничестве в энергетической сфере. Возможно учрежденные Брюсселем антироссийские санкции не столь всеобъемлющие, однако дальнейшее изменение энергетической политики Евросоюза повлечет сдвиги в глобальном энергобалансе, и, исходя из этого, - изменения традиционных маршрутов поставки углеводородов. Именно эти изменения должны быть предметом внимания Грузии, как транзитной страны. Начатый вокруг Ирана политический процесс создал предпосылки «возвращения» энергоресурсов этой страны на глобальные рынки. С началом 2010 года осуществляется Израилем добычи углеводородов на Восточном Средиземноморье. Этим обрисовалась перспектива создания в этом регионе нового энергетического хаба. Израиль уже фактически предложил странам-членам Евросоюза инвестировать в многомиллиардный проект строительства трубопровода (т.н. «пятый коридор») для транспортировки природного газа на европейский континент.

Таблица 1

Зависимость стран Европы от российского газа

Россия занимает более трети газового рынка Европы

Данные за 2016 год.
Источники: gazprom.ru, bp.com, ec.europa.eu, eurogas.org

* Для Украины данные приведены с учётом реверсных поставок

Александр Богачев, Алексей Сухов. Креативный директор: Александр Вершинин. Арт-директор: Антон Степанов

Реализация этого проекта потребует несколько миллиардов евро инвестиций из Европы. Газопровод соединит средиземноморское побережье Израиля и Кипр, отсюда газ будет транспортироваться в Грецию и Италию.

Реально начато строительство «четвертого газового коридора» ЕС в обход России. В частности, 20 сентября 2014 года в Баку состоялась церемония закладки второй трубы Южнокавказского газопровода (SCP), проходящего по маршруту Баку-Тбилиси-Эрзерум. По проекту, эта труба у границы Грузии присоединилась к уже действующему трубопроводу SCP. Ожидается, что к концу 2019 году газ «Шахдениз-2», посредством Трансанатолийского газопровода (TANAP) и Трансадриатического газопровода (TAP) дойдет до юга Италии, то есть, до Евросоюза.

Растущие темпы добычи сланцевых газа и нефти создали ожидания роста их поставок и, исходя из этого, последующего падения цен на энергоносители. По мнению экспертов, вышеуказанные объективные факторы обусловят «изгнание» с глобальных энергетических рынков примерно 70 млрд м3 российского газа, и, кроме того, новые поставщики способны вызвать снижение мировых цен на газ на \$50-60 за 1000 м3.

Противостояние в бассейне Черного моря может самым негативным образом сказаться на транспортировке нефти из стран Каспийского региона на мировой рынок. На данный момент нефть с месторождения Казахстана «Тенгиз» идет на экспорт через российские порты в Черном море, а затем через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы.

В декабре 2016 года началась коммерческая добыча нефти с гигантского офшорного газоконденсатного месторождения «Кашаган» (в казахстанском секторе Каспия). Разработку этого месторождения должны были начать еще в 2014 году, но его эксплуатация два раза откладывалась из-за аварий на офшорном трубопроводе. По информации Казахского правительства к 2016 году завершилась реконструкция нефтепровода российско-казахско-американо-итальянского Каспийского Трубопроводного Консорциума (КТК) на маршруте Тенгиз-Атирау-Новороссийск, по которому произойдет транспортирование «кашаганской» нефти до Черного моря. Годовая пропускная способность этого нефтепровода выросла с 28 млн. тонн до 67 млн. тонн. Планируется строительство газопроводов.

Самое интересное то, что несмотря на выполнение этих работ, в результате российско-украинской войны, вышеуказанный проект стоит перед большой проблемой. Первый сигнал тревоги прозвучал еще в 2011 году, когда у Новороссийска в районе г. Крымск во время наводнения был затоплен нефте-

провод КТК. Вторая проблема – сегодняшнее напряжение между Москвой и Киевом, которую еще больше обостряет экологическая «холодная война». Дело в том, что к концу 2016 года с завершением реконструкции КТК загрузка турецкого пролива возросла минимум в три раза. На данный момент через пролив Босфор по центру Стамбула каждые 12 минут проходит океанское судно, каждое третье из которых является нефтяным танкером. После того, как КТК выйдет на полную мощность в 2020 году, в Босфор будут посылать корабли каждые 4 минуты. Турецкое правительство с 1994 года после аварии кипрского танкера «Нассиа», пытается не допустить перегрузку Босфорского пролива. Анкара не жалеет сил, чтобы как-нибудь сократить количество плавающих в проливе танкеров, пытаясь снизить риск разлива нефти в центре гигантского мегаполиса. Поэтому, несмотря на требования конвенции Монро от 1936 года и ООН от 1982 года, турецкое правительство всячески мешает перемещению танкеров. Так, был издан закон - танкерам длиннее 200 м в дневные часы перемещаться только с помощью буксира и в присутствии лоцманов, затем правительство разрешило плавать в проливе танкерам только с двойным дном, потом выступило с инициативой строительства наземных нефтепроводов Самсун-Джейхан и Бургас-Александрополис, а также объявило о создании «Фонда экологии проливов» в \$30 млн, и ко всему этому добавилась еще и проект КТК. Скорее всего, на фоне обострившихся российско-украинских отношений поступление на Черное море «большой казахской нефти» в конце 2020 года, еще больше усугубит ситуацию. В ответ всем этим вызовам в Турции завершается проектирование 140 километрового платного т.н. Стамбульского канала в обход Босфорского пролива.

По расчетам экспертов, с вводом в действие трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан в 2006 году России был нанесен ущерб более чем на \$5 млрд, так как значительно уменьшился экспорт азербайджанской нефти через Новороссийск. Те же эксперты считают, что Россия потеряла приблизительно \$3 млрд при запуске газового маршрута Баку-Тбилиси-Эрзерум. И более того, с введением Турцией в проливе экологических ограничений и строительство обходного Босфорский пролив очень дорогого Стамбульского канала, перевозка нефти через турецкие проливы станет нерентабельной для России и Казахстана. Исходя из вышесказанного, может возникнуть необходимость в создании альтернативного маршрута (вместо т.н. «северного» нефтепровода Баку-Новороссийск) для каспийской нефти, который по сравнению с другими, будет более безопасным.

В этом направлении нам представляется реали-

стичным сотрудничество в рамках стратегической инициативы «Один пояс - один путь» и начать работать над проектами «Энергетического шелкового пути» для проектирования новых маршрутов транспортировки углеводородов Каспия и Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Микроекономика (rp.). <http://www.nplg.gov.ge/gsd1/cgi-bin/library.exe?e=d-00000-00---off-0civil2--00-1----0-10-0---0---0prompt-10---4-----0-1l--10-ka-50---20-about---00-3-1-00-0-0-01-1-0utfZz-8-00&a=d&cl=CL2.20&d=HASHa5bd6bf87e68c6eb918241.2.2.3>

2. Market Report Series: Gas 2018. <https://www.iea.org/topics/naturalgas/>

3. Garakanidze Z., Garakanidze N. INFLUENCE OF THE MIDDLE EAST TENSION ON THE EU'S SOUTHERN GAS CORRIDOR The Caucasus & Globalization. 2013. Т. 7. № 1-2. p. 74-81. http://www.ca-c.org/c-g/2013/journal_eng/c-g-1-2/07.shtml

4. Доля спотовых и краткосрочных контрактов на поставку СПГ, Рынок сжиженного природного газа (СПГ): ключевые тренды, определяющие будущее. ЕУ, 2017 000 «Эрнст энд Янг». <https://api.euapp.ru/files/7dcde92fc8e77201ddaa2d31c98eaf6b.pdf>

5. BP statistical review of world energy, June 2016

6. В.С.Дмитриев. ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ПРИРОДНОГО ГАЗА. <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-dmitriev.pdf>